

Тартуский университет
Магистерская программа European Languages and Cultures
(русская и славянская филология)

Вступительный экзамен - эссе

Статья Гассана Гусейнова, филолога, ученого и публициста, была напечатана более десяти лет назад в журнале «Дружба народов» и посвящена судьбе русского языка в меняющемся мире. С тех пор мир изменился сильнее, чем можно было предполагать, и русский язык и русская литература снова стали предметом пристальной рефлексии – как изнутри, так и извне. Прочитайте фрагмент статьи, представленный ниже, выделите основные тезисы автора – согласны ли вы с его наблюдениями и заключениями? Каким вы представляете будущее русского языка и литературы на русском языке? Какие трансформации будет, по вашему мнению, переживать русская культура в следующие десятилетия? В своих размышлениях вы можете опираться не только на предложенный фрагмент статьи Гусейнова, но и на другие публицистические статьи и научные публикации; можете привлекать примеры из своего опыта и т.д.

Предполагаемый объем эссе – 7200-9000 печатных знаков (с пробелами). При оценивании учитываются следующие параметры:

- соответствие теме;
- ясная и точная постановка проблемы;
- логичность и связность аргументации;
- композиция текста, ее соответствие академическим принципам и традициям;
- корректный стиль и соответствующая жанру фразеология.

Русский язык в современном мире

Опубликовано в журнале [Дружба народов](#), номер 1, 2014

Гусейнов Гасан Чингизович, филолог-классик, доктор филологических наук, профессор факультета филологии НИУ-ВШЭ. Автор нескольких книг и более ста статей по классической филологии и истории культуры, современной политике и литературе.

В современном мире русским языком как родным пользуются не менее ста пятидесяти миллионов человек. <...>

В советское время русский был региональным глобальным языком. По-настоящему глобальным он был формально — как один из главных официальных языков Совета безопасности ООН. А фактически изучали его в мире не так широко, как, например, французский или испанский. Регионально-глобальным он был в бывших социалистических странах и в странах, как тогда говорили на одном дыхании, Азии-Африки-Латинской-Америки, где с помощью СССР выращивались кадры для построения социализма. И сейчас еще в самых неожиданных точках планеты можно столкнуться с людьми, которые когда-то учили русский по Владимиру Маяковскому — «только за то, что им разговаривал Ленин».

<...> Конечно, не численность говорящих делает язык мировым. Есть что-то другое, не менее важное. Можно говорить о двух сферах — сфере внешнего приложения, которая измеряется количественно, и сфере внутреннего приложения, которая определяется качественно. К внешней сфере относятся люди, занимающиеся военным делом и промышленностью, наукой и образованием, но также и переводами с других языков, и управлением, и тысячами других дел. Ключевую роль играет здесь доля тех, для кого твой язык — второй или даже третий. Мировым в сфере внешнего приложения делают свой язык политики и ученые, которые решают, скажем, что больше не будут принимать к печати в своем журнале статьи по той или иной отрасли знания на родном языке, а, например, только по-английски. <...>

Пусть на греческом и санскрите читают только десятки тысяч человек, но задачи, поставленные перед человечеством на этих языках, остаются открытыми для каждого следующего поколения. Эти задачи — философские, логические и кибернетические, иначе говоря, задачи понимания, образования и управления. Люди, читающие и пишущие на так называемых живых языках, не покидают рамок, заданных аристотелевскими категориями, даже если ничего не знают об этих рамках, потому что о них, может быть, забыли не только их школьные учителя, но и учителя этих учителей. Видимой делает эту качественную сферу только настоящий кризис репрезентации языка в сознании говорящих на нем людей. Все помнят басню «Мартышка и очки», но как же неприятно сознавать, что мартышка — это ты сам, а очки — это твой родной язык, которым ты владеешь, как выясняется, на очень небольшую глубину.

Под репрезентацией я понимаю высказанное в авторитетных текстах отношение к родному языку и как к дифференцированному инструменту выражения, коммуникации, познания, управления, и как к интегративной символической персоне. В России, как правило, такой персоной, или персонализацией идеальной сущности, выступает «великий и могучий русский язык» из стихотворения в прозе И.С. Тургенева.

Тургенев, скорее, удивлен, как это в таком рабском и неразвитом обществе, как Россия середины XIX века, вообще возможен такой богатый, свободный, великий и могучий язык. Тем не менее, на протяжении всего нескольких десятилетий на русском языке появились тексты, знакомство с которыми стало обязательным элементом образования.

Из чего состоял русский сегмент тогдашнего мирового гипертекста? Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что этим сегментом была русская критическая литература и публицистика. К концу XIX века олицетворением символического персонажа по имени «русский язык» были Толстой, Достоевский, Чехов, а чуть позже — политические деятели, прежде всего — марксисты — Троцкий и Ленин.

В своей глобальной функции русский язык стал языком социальной революции и интернациональной, в определенном смысле даже анациональной, коммунистической экспансии. При этом идеология интернационализма, деколонизации, социального равенства, которую можно считать «ранней глобализацией», интегрировала и русский гипертекст прошлого столетия. Для изучавших русский язык в мире имена Пушкина как певца свободы, Толстого, Достоевского и Горького как аналитиков человеческой души и критиков социального устройства, Маяковского и Пастернака как певцов революционной эпохи и, наконец, Ленина, Троцкого и Сталина как строителей справедливого будущего для всего человечества — эти столь разные имена представляли язык — носитель права на глобальную функцию. Это была функция идейного объединителя человечества на почве самого справедливого и вместе с тем, как тогда говорили, «научно обоснованного» государственного устройства. <...>

Как бы мы ни сожалели об этом, как бы нам ни хотелось, чтобы большинство иностранцев мечтали изучать русский язык ради того, чтобы прочесть Пушкина или Ахматову, в XX веке это было не так. Одно из важнейших социо(контр)культурных явлений эпохи — международный терроризм — тоже держалось во второй половине XX века на интересе к большевизму и сталинизму, к маоизму и иным «измам». Один из самых известных международных террористов — Ильич Рамирес Карлос получил свое первое имя — Ильич — в честь Ленина (его брат получил в честь Ленина имя Владимир).

Конечно, были тысячи и тысячи людей, изучавших русский для того, чтобы прочитать Солженицына или Цветаеву. Но тренд определяли не они, а те сотни тысяч людей в мире, которые видели в Советском Союзе не просто символ обновления их жизни, но непосредственный пример осуществления мечты, не утопию, а реальность. Не их вина, что эта реальность в самой стране, излучавшей международные прогрессивные идеи, оказалась, по большей части, иллюзией.

Мы сейчас не говорим о реальном содержании деятельности перечисленных в списке людей: очевидно, что поэт и сановник Пушкин не отвечает за преступления бандита и палача Сталина или визионера и палача Ленина. Но есть по меньшей мере два измерения, в которых язык всех троих интегрирован в сознании больших групп людей. Одно измерение — это взгляд на Россию извне, взгляд человека, нашедшего ультимативную легитимацию для изучения данного языка. Другое измерение — отношение Сталина к Пушкину, точнее — узурпация сталинским режимом пушкинского наследия, вообще русской классической литературы как источника внутри- и внешнеполитического авторитета.

Претензия идеологов и политиков языка опиралась на холистское¹ представление, у которого открылось неожиданное внутригосударственное измерение. Несмотря на доктринерскую пропагандистскую цель и исходное лицемерие официальной идеологии, сами политики языка и языкового строительства, следуя букве своего учения, и в самом деле всемерно поощряли так называемую культуру речи, развивали переводческую деятельность в невиданных прежде объемах, обеспечивали русский язык статусом универсального языка научного знания.

Вся международная номенклатура наук, за исключением разве что психоанализа, получала выражение на русском языке советской эпохи. При этом институты авторитетности языка номинально имели в обществе чрезвычайно высокий статус, хотя и были рассредоточены. Опыт этот до сих пор еще абсолютно не изучен. Между тем, речь идет о том пласте русского литературного языка, который создавался в естественно-научной и математической среде. Это язык ученых, не просто переведивших (с латыни, немецкого, французского, английского) научные труды на современный русский язык, но создававших русскую версию языков своих наук. Два роковых заблуждения пленяют исследователя языка, привыкшего считать, что настоящий литературный язык это прежде всего язык поэзии и прозы, ну, еще философии, а язык химии и физики, почвоведения и биологии — это чуть ли не профессиональный жаргон, вторичный по отношению к литературному языку. Известно высказывание Эйнштейна, которым довольно бездумно размахивают литературоведы. Мне, говорит Эйнштейн, больше дал для понимания физики Достоевский, чем Гаусс. Если додумать мысль Эйнштейна до следующего логического витка, то станет ясно, что «понимание физики» и «понимание литературы» опираются на некую более общую культурную платформу, что между ними существует свой «большой язык». Вот о знании этого «большого языка» и говорил Эйнштейн, а после него великий русский (а также советский и французский) математик Владимир Арнольд. Это язык, на котором о себе говорит и наука. Достаточно вчитаться

в сочинения, например, Д.И. Менделеева (в том числе в его небольшие статьи по гастрономии или винокурению в словаре Брокгауза), чтобы понять: эпоха великих химических достижений держалась на великих ученых, которые участвовали в развитии русского литературного языка никак не меньше, чем современные им романисты. <...>

Во внутренней культурной и социальной политике русский язык даже не нуждался в формальном статусе государственного — он всюду на территории бывшего СССР представлял общедоступный воздух коммуникации, познания, выражения и, главное, управления.

И только исчезновение СССР раскрыло большинству людей, говоривших на русском языке, насколько противоречивым, сложным и проблематичным является в некоторых случаях тот факт, что русский — родной или второй язык для этих людей.

Как только Советский Союз распался, вскрылось несколько болезненных противоречий. Оказалось, что, чем лучше ты как носитель языка понимаешь деревянный язык Сталина или Брежнева, тем хуже ты понимаешь язык Толстого или Чехова.

А двуязычные носители других родных языков почти принудительно построили свою новую языковую стратегию на отторжении русского — как языка колонизаторов или языка коммунизма. Нечего и говорить, насколько болезненно такое восприятие русского языка для тех, у кого именно он — родной. Первый и единственный.